

Анри Барбюсу, вечно живому борцу

Для Анри Барбюса нет смерти. Анри Барбюс — среди нас, он ведет нас за собой. От него берет начало все движение за единый фронт, за международную антифашистскую солидарность. За ним последовала плеяда страстных борцов, вдохновленная его примером. Его дух живет в миллионах сердец. Его имя горит над всем миром. Его великое сердце откликнулось первым на созданную Октябрьской пролетарской революцией великую эпопею.

Не надо печальных слов в день этой годовщины! Смерть только освободила его от бремени годов и болезней. Теперь для грядущих веков он — молодой герой, вышедший из войны, первый посланный войне проклятия народов, разбивающих свои цепи и в единении вновь обретающих свободу.

РОМАН РОЛЛАН

30 августа 1936 г.

ДРУГ НЕМЕЦКИХ РАБОЧИХ

В. БРЕДЕЛЬ

Это было на пороге 1920 года, решающего года германской революции. Оперативное восстание было подавлено, воля к свободе миллионов рабочих была заглушена кровью. В городах Германии появились контрреволюционные добровольные отряды. Это было время открытого путча националистов против республики. Вот при такой обстановке Барбюс приехал в Германию. Националисты вопили: гоните французов на сторону! Печать националистов громадными буквами заголовок вывела: Франция — смертельный враг Германии. Постарайтесь, чтобы у этого нахального француза Барбюса навсегда пропало желание посещать нас.

Социал-демократический сенатор полиции Гамбурга опасаясь выступления со стороны националистов. В сенате серьезно обсуждался вопрос: не распустить ли собрание с французскими ораторами. Во всех рабочих организациях и на заводах поднялся массовый протест против грубого отступления перед националистами. Работе верфи Блом и Фосс, где я работал в то время, организовали заводское собрание и решительные требования разрешения митинга.

Сенат уступил. Громадные плакаты привезли трудящихся Гамбурга на митинг с участием Барбюса.

За день до этого, незадолго до начала работы, в рабочей комитет верфи позвонили из нашей партийной организации и попросили прислать нескольких товарищей на митинг. Барбюс, так как очевидно националисты задумали провести контрмитинг.

Газета «Гамбургер нахрихтен», орган реакционеров, с точностью до минуты указала время прихода пезда, с которым должен был приехать Барбюс.

Рабочий комитет верфи выбрал тридцать человек молодежи для встречи французского писателя и товарища. Не дожидаясь гудка, мы ушли с верфи и как были — грязные, в масле, — отправились на вокзал. Нам нельзя было терять ни минуты.

На пятой платформе царил необычное оживление: школьники, студенты, хорошо одетые люди.

На нас, на тридцать здоровых парней с верфи, господа смотрели в вышестейшей недоверчиво. Мы же спокойно и скромно стояли в толпе, заранее радуясь той встрече, которую готовили нашему французскому товарищу.

Минута в минуту пришел скорый. Мы жадно вглядывались в каждое окно. За нами стояли студенты. Вдруг тов. Роберт из «Союза жертв войны» побежал с букетом красных роз к окошку из вагонов. Значит, наш французский друг был там. Мы стали пробираться к этому вагону, но очень вежливо растолкали студен-

тов, отгесняли их в сторону и прошли вперед. Ноздри высохших пассажиров мы увидели высокого, стройного человека с розами в руке: Анри Барбюса.

Один из нас начал: «Вставая, пролетарием заклейменный...» Мне показалось, что наше пенсне на этот раз было более решительным и вызывающим, чем обычно. Или наши потные, грязные лица призывали отвлечь угрозы нашим словам? Или оставшиеся позади сыны буржуазии возбуждали нас?

Услышав наше пенсне и увидев лезвие, хорошо одетые господа поспешили уйти. Студенты и школьники тоже разошлись.

Роберт произнес краткую приветственную речь. Мы крикнули «ура» за французских рабочих. Великий писатель и друг рабочих приветствовал не только Роберта и представителей организации, но и некоторых из нас как рукопожатием, улыбаясь и радуясь нашей необычной делегации.

Обужденный нами, он покинул вокзал. Его глаза испытующе останавливались на каждом из нас.

Публика с удивлением обреченно слушала его. Анри Барбюс... Известный французский писатель. Да, да, и рабочие с верфи... У националистов протест застрял в гортани. Они трусливо спрыгнули. На следующий день буржуазная печать писала о «нетактности коммунистов, которые послали на вокзал делегацию рабочих и неумных, грязных рабочих».

Митинг, состоявшийся вечером, прошел с громадным успехом. И тогда Анри Барбюс провел с несколькими товарищами остаток вечера в ресторане дома профсоюзной организации, чья делегация рабочих верфи приняла в этом участие.

15 лет спустя Барбюс — президент VII Всемирного конгресса Коминтерна. Он сильно постарел. Только лицо по-прежнему морщинами. Он ходит согбенный и сильно кашляет. В фойе я поздравляю с ним и спрашиваю, помнит ли он свой приезд в Гамбург пятнадцать лет тому назад.

Барбюс подумал и кивнул головой. — Тогда вас встретили и проводили в отель рабочие с верфи.

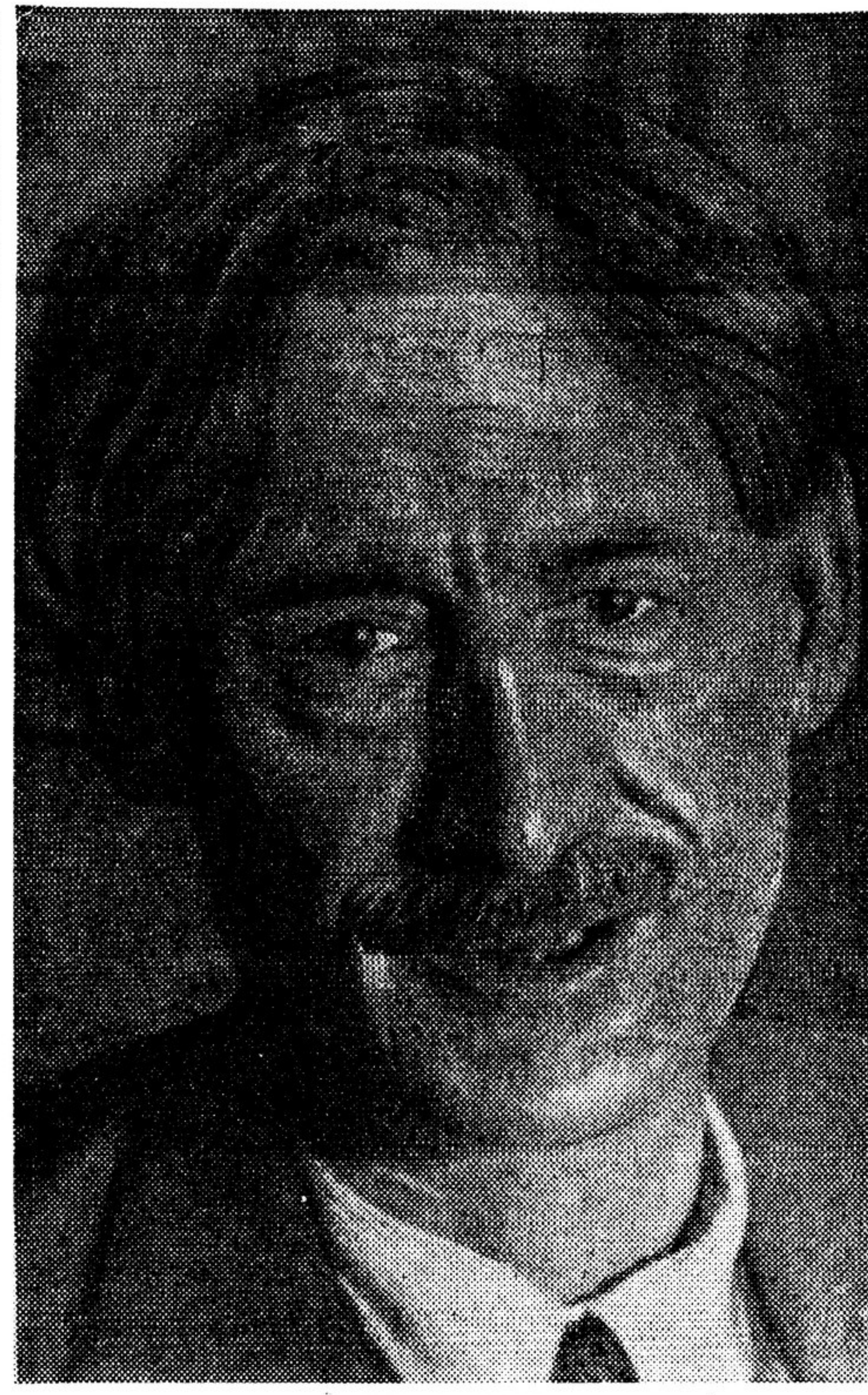
О да, это он помнит. Этого он никогда не забудет. Гамбургские рабочие — замечательные товарищи. Он часто рассказывал французским рабочим о том, как он был в гостях у гамбургских товарищей.

Он залез мне кучу вопросов об Августе Лигтене, о Шувалье, о концентриционном лагере и подпольной борьбе против фашистов.

Барбюс слушал мой рассказ со вниманием, кивая головой, как бы подтверждающая услышанное.

Да, германские рабочие — прекрасные, смелые люди, — сказал он. — Никакому Гитлеру они не дадут осилить себя.

Около 40.000 экземпляров — 10 изданий — романа вышло на украинском, грузинском, еврейском, украинском и других языках народов СССР.

АНРИ БАРБЮС

КНИГИ БАРБЮСА В СССР

Советские читатели знают имя Анри Барбюса с первых лет Великой пролетарской революции. Первая книга талантливого писателя-коммуниста, борца за лучшие идеи человечества, вышла в 1919 году. Это был роман «Огонь», вышедший издательством Петроградского совета рабочих и красноармейских депутатов. Книга вышла с предисловием М. Горького.

«Барбюс глубже, чем кто-либо до него, взглянул в сущность войны и тоном провозвестника нового евангелия показал людям бездну их заблуждения, — писал о произведении Барбюса великий Горький. — Каждая страница его книги — удар железом молота правды по всей той массе лжи, лицемерия, жестокости, грязи и крови, которые в общем зовутся войной. Мрачная книга его стала своей бесподобной правдой, но всюду во мраке изображаемого им сверкает огонь нового сознания, и эти огоньки мы верим, скоро разгорятся во всемирное пламя очищения земли от грязи, крови, лжи и лицемерия, созданных Дьяволом Капитала».

В рабочей, красноармейской массе роман стался одним из любимых и популярнейших произведений. Об этом красноречиво свидетельствуют цифры: за один только 1919 год «Огонь» вышел в трех изданиях, в количестве 90.000 экземпляров.

Всего же советские издательства выпустили на русском языке 11 изданий «Огня», тиражом в 409.300 экземпляров.

Около 40.000 экземпляров — 10 изданий — романа вышло на украинском, грузинском, еврейском, украинском и других языках народов СССР.

Со дня выхода первой книги Анри Барбюса на русском языке прошло 17 лет. За это время советские издательства выпустили 48 изданий, включающих лучшие произведения писателя. Общий тираж этих изданий — 1.300.000 экземпляров.

Советский читатель имеет возможность ознакомиться с романами — «Огонь», «Свет» («Ясность»), «Звенья», «Аз», о блестящим литературным портретом «Зоя», о рассказе «Орден», «Оттуда», «Злая луна», «Лицом к лицу», страстным очерком «Палач», явившимся результатом повести писателя на Балканах.

Книги Барбюса издаются не только в Москве и Ленинграде. Рассказы и романы писателя выходили во многих краевых издательствах (горьковском, воронежском, бакинском и т. д.).

В этом году Гослитиздат выпустил одновременно в двух изданиях по смертной книге писателя о человеке, «через которого раскрывается новый мир», о гениальном воле трудящегося человечества — товарище Сталине. В короткое время книга, шедевр автора, в 315-тысячный тираж, была распространена. В ближайшем времени издательство выпустит еще два издания книги о Сталине. Тираж одного из них — 100.000 экземпляров, другого — 20.000.

Помимо Гослитиздата книгу о Сталине выпустили воронежское и сталинградское краевые издательства. Значительнейшие произведения Барбюса переведены также на 14 языков братских народов СССР. Всего на языках братских народов Советского Союза вышло 31 издание произведений Барбюса. Тираж их — 250.000 экземпляров.

БОРЕЦ ЗА СВОБОДУ

Дж. ДЖЕРМАНЕТТО

Незабвенного Анри Барбюса я встретил впервые в Италии, в Турине. Это было в 1919 году, вскоре после империалистической войны.

Высокий, бледный, худой, он выстулал на собрании группы «Кларте». Ему было еще несколько лет по себе в штатском костюме, и он казался нам живым напоминанием об ужасах мировой войны.

«Если мы не объединимся для борьбы с капитализмом, нас ждут новые войны. Если мы хотим избежать войны, мы должны показать пример». Я вспоминаю эти слова так ясно. Слово Барбюс произнес их вчера. Я вижу широкий выдох его груди, его сжимающиеся глаза.

Короткий доклад, прочитанный Барбюсом в Турине, нашел громадный отклик в среде бывших фронтовиков и молодежи. Многочисленные группы «Кларте» возникли среди итальянского студенчества. К этому времени итальянцы уже хорошо знали идеи коммунизма.

В последний раз я видел Барбюса в Москве, в стране социализма, за несколько дней до его смерти. Это было уже после грубого вторжения итальянского фашизма в Абиссинию.

«Надо собрать все силы и дать отпор преступлению, подготовляемому итальянским фашизмом. Международные комитет по борьбе с фашизмом и военной отток к этому... Я призываю к борьбе против фашизма» — говорил великий француз.

Его жизнь — борьба. Неумолимый гонимый борца против войны и фашизма — таков Анри Барбюс — человек, товарищ и друг.

Во время последней встречи Барбюс долго беседовал со мной о нашей борьбе, о социалистической революции, о работе интеллигенции. Он на помню мне о собрании писателей в Амстердаме — после состоявшегося там антифашистского конгресса, когда Барбюс, больной, руководил всей работой.

«Мы должны привлечь на свою сторону все европейское интеллигентство», — говорил он. — Наша задача облегчается тем, что сделано в области культуры в Советском Союзе. Отныне я один честный писатель, как бы он ни был от нас далек, не может не признать, что Советский Союз является единственным оплотом культуры».

Наша беседа вращалась, главным образом, вокруг фашистского террора, преследований, арестов и казней интеллигенции. Это были вопросы, неустанно волновавшие Барбюса.

«Как в комитет приходит он десятками... Это лучшие представители интеллигенции. Герои. Они сражаются против Гитлера. В их лице мы спасем культуру целой страны!».

Мы, итальянские революционеры, как и весь итальянский народ, потеряли верного друга и соратника в борьбе против итальянского фашизма.

Это он был душой и организатором первого антифашистского конгресса в Берлине в 1923 г.; это он участвовал во всех выступлениях против фашизма итальянского, а позднее и немецкого, а также против Муссолини и преступников против трудящихся и интеллигенции моей родины; это он — на митингах в европейской и американской печати — мобилировал массы на борьбу против поработителей трудового народа.

Не случайно в фашистской Италии запрещено было писать о смерти важного друга народа — Барбюса, так же как и о смерти великого Горького.

Преданность делу борьбы против фашизма и войны, в защиту Советского Союза — лучшая дань памяти Барбюса.

Сейчас, перед лицом растущей угрозы наступления на СССР, обязанность каждого гражданина, а писателя в особенности — следовать блистательному примеру Барбюса.

Дж. Джерманетто

Как была опубликована повесть „В огне“

СИМОНА ТЕРИ

Впервые я увидела Анри Барбюса в редакции газеты «Энри», которую основал мой отец, Гюстав Терри.

Это было в 1916 году. В кабинет отца вошел солдат; он показался мне человеком огромного роста. Он был так худ, что солдатская шинель небесно-голубого цвета, выцветшая от пыли и дождя и слишком широкая, мешком висела на нем. В его бледном и невозможном лице было что-то мягкое и ласковое и вместе с тем скорбное и решительное. Внешность его поражала и пленяла. В его глазах, светлых, мятельных, глазах внезапно вспыхнула тревога, затем погасла и вспыхнула вновь, как сплывающий огонь маяка.

Барбюс крупными шагами прошел по комнате, наклонился и взял пращол, сбрасывающий свою ношу, положил моему отцу на стол большую, тающую рукопись.

— Вот, — сказал он, — я принес вам «В огне».

— Что это такое? — спросил отец.

— Это книга о войне. Все парижские газеты отказались печатать ее. Ввиду меня шельмовали как «пораженца». Я пробовал несколько дней в опущку и все это время бесплодно потратил на хождение по редакциям. Через час я возвращаюсь на фронт. Вы — моя постельная належка. Мне возмущил, что вы основали газету для того, чтобы высказывать всю правду. Если это так, то возьмите мою книгу.

Барбюс в то время был малоизвестным журналистом. Отец мой долго глядел на него. Он хорошо разбирался в людях. Он понял, что перед ним настоящий, ценный человек.

— Значит, вы в своей книге выказали правду? — сказал он. — Понимаю.

— Я рассказываю о жизни солдат в окопах и об их жизни. Другие говорят об их «славе», о радости, о которой молодежь умирает за цивилизацию и справедливость, а я говорю о том, что я видел там, куда теперь опять возвращаюсь. Я говорю о грязи, о вшах, о крови, о нечистотах, об вшах, принимающих за помощь матерей, когда они часами мучаются в агонии, вставая в войсковой проволоке. Я говорю о жестокости и варварстве войны.

— Посмотрим, — сказал мой отец. Он наудачу раскрыл книгу и прочел две-три страницы. Наступило долгое молчание. Барбюс сидел, скривившись, упершись локтями в колени, вытаращив голову вперед. Я не решалась шевельнуться. Вдруг отец мой продолжительно ошмыгнул и поднял голову.

— Барбюс, — сказал он глубоким

голосом. — Мне кажется, вы написали книгу, которую я ждал, которую ждала вся Франция. Я не стану читать дальше и могу сразу сказать вам, что «В огне» будет помещено в «Энри».

Барбюс восторженно схватил ее руку отца и крепко пожал ее. Он был счастлив, потому что, чтобы сказать что-нибудь. Ничего больше не мог сказать и мой отец. Оба они стояли, крепко пожимая друг друга руки, и смотрели один на другого. Затем Барбюс поворачивается и, говоря ни слова, вышел из комнаты.

Повесть «В огне» пропала в потаенном месте. Никогда ни одна газета не имела такого успеха. В окопах солдаты перынами прут у друга номера «Энри», где печаталась повесть. Впервые один из их среды выразил, наконец, их чувства и переживания. Повесть была написана простым, суровым, образным языком, — их, солдатским языком.

Но цензура и власти, конечно, попытались принять меры. Офицеры запрещали солдатам читать газету «Энри». Полиция конфисковывала экземпляры газеты в окопах, — цензуры оберегали армию. Посреди больших белых полей, оставленных в каждом номере цензурскими новостями, мой отец помещал рисунок, изображавший боролу главного цензура Готте. Это была, в сущности, скважина, в которой искусство, ум и талант боролся за мир.

В несколько дней Барбюс стал знаменитостью. Его повесть, вышедшая вскоре отдельной книгой, выдержала огромное количество изданий. И я в веральском лице прятала под матрацем «В огне» вместе с книгой Романа Роллана и тайком читала их. С этими двумя книгами вошла я в жизнь, они научили меня мыслить и сознательно относиться к тому, что творилось вокруг меня. Как много молодых душешек, как много юношей во Франции переживали то же, что и я!

Когда я впервые посетила Советский Союз, первым, кого я увидела, был Анри Барбюс.

Уви, в последний раз я приехала в Москву с глубоким покоем и не встал уже Барбюса в живых. Лишь только я вышла из вагона, как узнала, что он умер.

И когда я со скорбью и тоской смотрела на его вдохновенное, застывшее теперь, лицо пророка, когда людская воля, все нарастающая, прорывалась у меня, мне казалось, что мы, международная молодежь, пришли сюда послушать завет ушедшего из жизни великого человека.

Мы взяли на себя его дело и будем его продолжать.

Человек, писатель, боец

С. ПРИАССЕЛЬ

Прошел год с тех пор как умер Анри Барбюс, прошел год с тех пор как грядущие поколения, на которых мысли, проникнутые любовью к Барбюсу, составили огромный траурный кортеж, сопровождавший останки великого и бесстрашного писателя сначала по улицам Москвы, затем по улицам Парижа.

И вспоминаю длинное, худое, большое тело, оригинальное, необычное лицо, изоборуженный морщинами лоб, упрямый непокорный волосяной, ослепший выпрямленный взгляд глубоко впавших глаз, немного попусту улыбку художника и бойца, который долгие годы был другом и учителем моего поколения. Я слышу звучный, резкий, вибрирующий, волнующий голос Анри Барбюса, когда он будто лепит что-то в воздухе трепетными руками, обращаясь к массам со своими незабываемыми речами, призывая их объединиться для борьбы против войны и фашизма.

Барбюс говорил, и казалось, он заблуждался, склонялся над людьми, чтобы ясно и отчетливо высказать то, что неслучайно чувствовал даже самые непростые чувствования при встрече с ним.

В прекрасной пьесе Романа Роллана «14 июля», которую недавно восторженно приветствовала парижская публика, французский рабочий 1789 года выразил благодарность ораторам Французской революции Марату, Робеспьеру, Готу, сумевшим увлечь парижский народ на штурм Бастилии — этого живого символа королевского угнетения: «Когда они говорят, чувствую себя большим, сильным, богатым. Кажется самому себе богом. Это потрясает до глубины души».

Впечатление, произведенное Анри Барбюсом на слушателей всего мира — ибо он развлекал по всему миру, — вполне совпадает с тем, которое произвели великие революционеры конца XVIII века. Он не только обладал даром увлечь и потрясать, но и неограниченно способностью давать четкие, запечатливающиеся в памяти формулы.

Со своей стороны ему поразительным критическим чутьем Барбюс, инстинкт этого Конгресса (он был вдохновителем и организатором многих международных съездов и совещаний, в том числе и знаменитого Амстердамского съезда для борьбы

против войны), несколькими меткими словами определял общее и практическое значение его.

— На Конгрессе, — сказал он, — выявились все недостатки, все отрицательные стороны жизни и деятельности писателей в капиталистических странах как в моральном, так и в материальном отношении. Причины этих отрицательных явлений для меня совершенно ясны. Капиталистическая правительственная охрана и защищают свои позиции, и если правительство проводит особенно реакционную политику, то это отражается на положении писателя, на том, какое место занимает он в обществе.

И Барбюс особенно подчеркнул результаты Конгресса, в котором приняли участие писатели самых различных направлений. Конгресс доказал всему миру, что защищать культуру — это значит, вместе с тем, бороться против войны и фашизма. Писатели сумели неразрывно связать и переплести в единое целое все эти идеи.

Творческий путь Барбюса имеет значение не только для характеристики личности Барбюса. Значение этого пути гораздо шире. Представитель «чистого» искусства, он не мог примириться со страданиями людей, когда перед ним открывалась великая правда. Первый сборник стихов Барбюса «Плакальщики» обличал его с той грубой поэзией, главными представителями которой во Франции были Теофиль Готье, Вильгельм де Лиль-Алан, Леон де Лиль и Хюзе-Марна Эрдана. В молодости он не скрывал своего пренебрежения перед великим английским поэтом-лектором Оскаром Уайлдом и бережно хранил книгу его произведений с личным посвящением автора.

Но уже задолго до великого выступления, задолго до мировой войны, когда Барбюс был только служивым издательством Пьер Лафитт, он пишет роман «Аз». Уже в нем — признаки грядущих перемен. Зять поэта Катьюль Мендеса кончает уже светские салоны. Глаза его раскрылись, он увидел человеческие страдания и лишения. Его отшатнувшаяся душа стала ближе вся скорью, все мучки мира. Во многих местах «Аз»

стали смелой и строго реалистической, Барбюс выступает как философ. В этом произведении — юношеский, нестройный и неважный вступивший своей пламенности и страстности, Барбюс инстинктивно востает против предрассудков, отравляющих общество, в котором он живет.

1914, 1915, 1916. Война. Барбюс — солдат. Простой лехотинец. Он пошел на войну добровольцем, хотя по состоянию здоровья мог бы оставаться в тылу. Барбюс поверил в ложь, распространявшуюся французским министром Вивьяни. Он думал, как многие, что илет защищать оправленную и цивилизованную австрийско-германского империализма. Но в три дня оков, среди страданий, неистовства, вля вокруг себя кровь и смерть, Барбюс постепенно начинает познавать истину. Он понимает всю чудовищность, всю невообразимую нелепость мировой войны. С непреодолимой силой возникает в нем сознание братства людей. Он знает теперь, что враг — это не германский солдат, находящийся перед ним и создающий так же, как он, солдат французский, но те, кто извлекает пользу из мировой войны, — продажные лгуны, спекулянты. Он назвал истинного врага своим именем — капитализм.

И тогда Барбюс пишет книгу об империалистической войне, шедевр, сразу поставивший его в ряд самых значительных писателей: «В огне».

Мини сразу оценил огромное революционное значение этой книги. В статье «О залах III Интернационала» он писал:

«Одним из особенно галлажных подтверждений повсюду наблюдаемого, массового явления роста революционного сознания в массах можно признать романы Анри Барбюса: «Le feu» («В огне») и «Clarté» («Ясность»). Первый переведен уже на все языки и распространен во Франции в числе 230.000 экземпляров. Превращение совершенно неизвестного, делком попользованного идиомы и предрассудками, обманом и массовика в революционера именно под влиянием войны показало необычайно сильно, талантливо, правдиво» (XXIV, стр. 397).

Эта книга произвела необычайное впечатление на народы, участвовавшие в войне. В романе, написанном в кованых оковах 1916 года, о поразительной силой и ясностью провозглашены основные принципы, лежащие в основе всей деятельности Барбюса в течение последних двадцати лет его жизни. Барбюс застаивает

своего «дуало», пижарница, почитать, что не различие рас вызывает вражду между людьми, а различие классов.

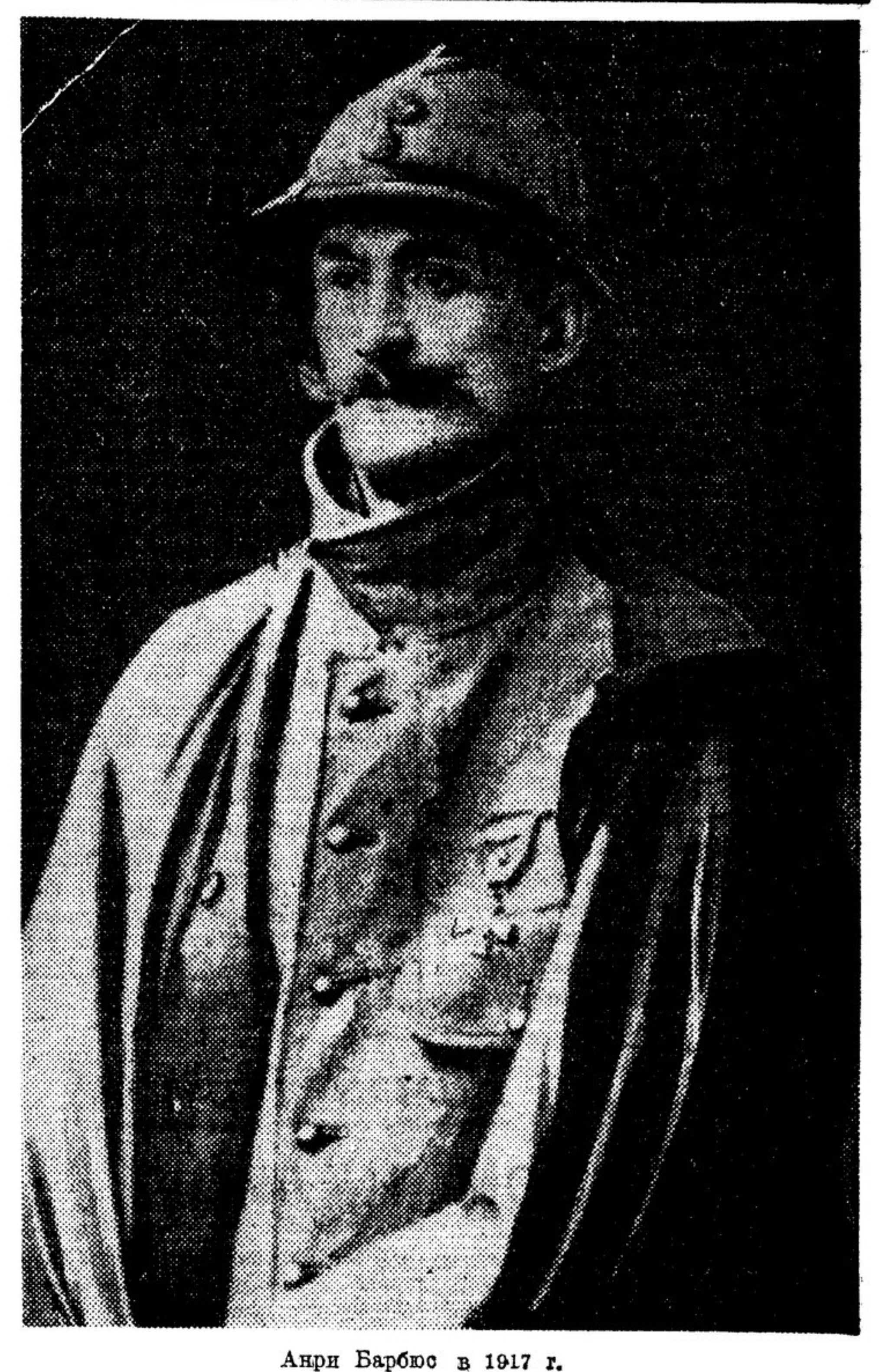
«С той минуты, как Барбюс среди крови и страданий открыл эту истину, — пишет Роман Роллан, — он не переставал бороться за нее. И он с радостью видел, как растет и ширится вызванное им движение, подобно реке, питаемой притоками со всей земли».

Языком простым и сильным, звучным и непосредственным, то публицистическим, то прозорочным, полным ярких, красочных фраз, впечатляющих образов, глубочайших формулировок, написал он огромное количество книг, брошюр, статей, произнес множество речей.

Действительность, открываемая Барбюсом в поисках правды, часто оказывалась сама по себе такой сильной и ужасной, что он ограничивался правдивым изображением ее и не рисковал оставлять впечатление своего репортажа, применивая к нему то, что могло быть создано его воображением. Книги его — «Палачи» и «Истинные происшествия» являются, в сущности, свидетельскими показаниями, неопровержимыми обвинениями, беспощадными обвинениями против белого террора на Балканах и в других странах. Эти свидетельства показаны Барбюсом провозглашены на своих бесчисленных митингах, которые он непереставно совершал, чтобы представить честным людям всего мира доказательства в пользу своего призыва к борьбе против войны и фашизма. Он развлек повсюду, выступая с речами в Буэнос-Айресе и в Мадриде, в Буэнос-Айресе и в Нью-Йорке, в Лондоне, и в Женеве.

Часто посещал он и Советский Союз. Он был верным и преданным другом народов Советского Союза и один из первых рассказав о гражданской войне и достижениях социалистического строительства. Его книга «Что я видел в Грузии и в Закавказье» — живой и восторженный рассказ о пребывании в закавказских республиках.

В промежутках между путешествиями Барбюс возвращался в Париж или в Мирамар, на юге Франции, где у него был свой дом, и работал над историческими произведениями. Он

Анри Барбюс в 1917 г.

написал биографию Эмиля Золя и два исследования о происхождении христианства.

Неумолимый организатор, он руководил Всемирным комитетом борьбы против войны и фашизма, Республиканской ассоциацией бывших участников войны, Комитетом Амстердама-Пейле и двумя десятками других культурных и антифашистских организаций.

Последнее произведение Барбюса посвящено Сталину. На страницах этой книги, четких и точных, проникнутых энтузиазмом, он воссоздал образ революционного вождя всего мира и одновременно пишет великую картину социалистического строительства, возглавляемого Сталиным. Перед смертью Барбюс работал над биографией Ленина.

Посвящая свои последние силы работе над биографией Ленина, Барбюс следовал указаниям Пастера, который сказал: «Научная жизнь людей, оставивших после себя длительный явный след, благожелательно охраняем каждое их слово, заношим каждый их поступок, которые могут помочь

нам познать побуждения их великой души».

Барбюс умер. Знание его многообразной, величавой и благородной творческой деятельности с каждым днем все возрастает. Среди великих французских писателей он был первым коммунистическим бойцом. И это выходило у него просто. В этом он оставался для нас примером и образцом. Его имя послужило маяком, вокруг которого организовался народный фронт во Франции. — о нем он мечтал и грядущую силу его он предвидел. Буржуазным теоретикам искусства для искусства жизнь и творчество Барбюса доказала, что искусство писателя не только не слабеет, но, наоборот, усиливается, ширится и вдохновляется от сотрудничества с действительностью.

Барбюс всегда стремился следовать принципу, который он сформулировал, говоря о Ленине:

«Единство теории и практики, мысли и действия — этот принцип Ленин поднял до высоты закона познания, превратив социальную и историческую практику в критерий истины».

Из японских тюрем

СЕКИ САНО

Основу прутья железной решетки раскрасневшие лучи солнца падают на бетонные стены. В камеру доносятся душные запахи тюрем и отдаленные звуки жизни. Первое лето проводит Ота в этой отчужденной камере. Время идет медленно. Единственным его утешением — слышать человеческий голос, голос товарищей. Этот голос он может слышать два раза в день — утром и вечером. Сейчас же после умывания — переключая. Пока он в ожидании инспектора сидит по-японски, плотно сдвинув остроконечные концы ног, в нем поднимается чувство глубокого, оскорбительного унижения, чувство, которое он ни на минуту не в состоянии забыть. Как бы преодолевая его, Ота громко выкрикивает свой номер, отпечатанный на тюремной одежде. Это голос чужака, едва слышимого восторженного возмущения.

Скорю он убеждается, что и эта тюрьма, как и все другие, переполнена революционерами. Он начинает разговаривать в голоса окружающих его заключенных. На выходе знакомый ему человек, и Ота не может удержаться от улыбки, когда через несколько дней тот же голос слышит уже от самого угла третьего этажа. Однако бывает, что голос исчезает навсегда. Куда он исчез?

И так два раза в день, утром и вечером, сильное чувство, чувство братства по классу охватывает все здание тюрьмы.

Тюремная жизнь не страшна для Ота, он держится крепко. Вдруг — когда день становится короче, когда маленькие, забывшиеся стрелы чаще начинают залетать к нему в камеру и чувствуется приближение осени, приходит несчастье — он заболел: туберкулез, как и у многих его товарищей по заключению. Хлынула кровь горлом. Ухудшившееся состояние его здоровья заставляет управление тюрьмы перевести его в тюремную больницу. Тут уже не слышишь ролные голоса. В этой «больнице» за больными не ухаживают, это совершенно изолированная часть тюрьмы, это тюрьма в тюрьме. Здесь царит мертвая тишина, прерываемая лишь выкриками больных. С ужасом узнает он, что попал в одну из камер отделившей для прокаженных, ибо «заболевшие» должны покинуть камеру, давая тяжело больному, в камеру рядом с другим коммунистом туберкулезного отделения.

Приходит зима, новый год... Весна. Слова лето... Кончатся страдания многих больных на обеих отделениях — их не стало. Больные и одиночество мучают Ота. Он доходит почти до сумасшествия. Теряются перспективы, падает уверенность в будущем. В результате долгой, мучительной борьбы с собой Ота чувствует себя опустошенным и разбитым.

Но вот в отделении прокаженных появляется новый больной, новое лицо. Этот больной резко отличается от других своим необычным спокойствием, выдержанностью. К тому же, несмотря на то, что соседняя камера пуста, почему-то нового больного в эту камеру не помещают. «Кто бы это мог быть?» — возникает вопрос у Ота — «неужели возмужал? Или он хочет и не хочет, чтобы это был товарищ. Скоро через своего соседа, у которого преступника. Ота узнает фамилию нового больного. Он оказывается не только его товарищем, но и его руководителем — Окада. С нетерпением ждет Ота обычной прогулки, во время которой ему удается, благо-

даря невниманию полицейских, опасаясь заразы, поговорить с Окадой о том, что здесь не может быть волю неврам, вспоминает его совет — держать себя в руках. Перед глазами встает картина совместной работы в полном, каждая деталь их повседневной жизни, когда они жили вместе в маленькой коммуналке. У Окада острый ум, и он прекрасно владеет революционной теорией. Как умело он критиковал его, как четко замечал задачи. От большого неизлечимой болезнью Ота получает новые силы. Ему становится стыдно за свою слабость. Коллебия Ота исчезает.

Проходит еще год. Идут слухи о том, что администрация тюрьмы хочет разделиться двух революционеров. Однако эти меры оказываются излишними. Больные Ота обостряется. Его организм отказывается принимать какую бы то ни было пищу. Его кладут на носилки и выносят из камеры. Когда носилки проносятся через двор, слабый взгляд Ота устремляется на решетку маленького окошка, сквозь которую он видит львобразное лицо непоколебимого Окада.

Таково содержание повести «Прокаженный» молодого, многообещающего писателя Кенсакэ Симамы.

«Сломаю древо знаменитой революционной литературы», — говорили в отчаянии некоторые пролетарские писатели перед трюмом Такидзи Кобаяси, талантливого писателя и руководителя всего революционного культурного движения Японии, зверски убитого токийской полицией еще в начале 1933 г. И действительно, через год союз пролетарских писателей Японии был ликвидирован. Причиной этого, помимо усиления репрессий, было поворное, поразительное поведение группы отчаявшихся, возмущавших тогда озов. Однако уже несколько месяцев спустя новый автономный революционный литературный Япония, К. Симамы, как бы в отпорежение поразительных настроений, выпускает сборник «Тюрьма».

В сборник вошли пять рассказов: «Прокаженный», «Сражение», «Слепота», «Падение» и «Смерть». Это рассказы о жизни политзаключенных.

Жизнь и борьба политических заключенных — любимая, но не новая тема революционных писателей Японии. Ведь за последние 30 лет арестовано 60.000 человек коммунистов и симпатизирующих им, а если считать всех арестованных в связи с общим революционным движением, то это число превышает 300.000 человек. Число это растет с каждым годом, прямо пропорционально расширению и углублению влияния партии среди трудящихся масс Японии. Не удивительно, что революционные писатели не могут оставаться равно-

в чем же заслуга писателя К. Симамы? Его заслуга прежде всего в том, что он помог поднять боевое настроение революционных писателей Японии в самую трудную для них минуту. 1934 год — мрачайший год в истории революционной литературы Японии. Он характерен режимом, хотя и временным, ее ослаблением. Лагерь реакционной литературы, воспользовавшись либеральной ссорой пролетарских писателей, снова натравил свое острое нападение, злобно заявляя, что революционной литературе пришел конец. Под влиянием кучки презренных предателей некоторые из бывших ранее в оюле революционных писателей сдались и, как бы оправдывая свое падение, начали писать о своем «спролетом» прошлом, подробно расписывая «свой путь» и бесконечные свои психологические переживания. Эти «покаяния» они называли чуть ли не новым течением психологического реализма в литературе.

С другой стороны, по всей Японии разлился бешеный поток дешевых военно-фашистских «литературных произведений». В такой обстановке вышел сборник «Тюрьма».

Заслуга Симамы также в том, что ему удалось создать исключительные образы живых людей. Его проведение чуждым схематизма, этой давнишней болезни революционной литературы Японии. Правда, некоторые критики справедливо обвиняют Симаму в том, что рассказы «Страдания», «Падение» и «Слепота» слишком уж мрачны. Однако в этих произведениях нет ни одного революционера, провозглашающего колые лозунги. Вместо лозунгов и схематизма у Симамы подлинное изображение живых людей. Его герои в тяжелые минуты плачут от слабости, страдают от колебаний, выжидают внутреннюю борьбу.

Рассказы Симамы резко отличаются от произведений на ту же тему, написанных другими писателями, еще и тем, что он старается вскрыть не только, а изнутри интриги и проделки врагов; у него это сделано и сильнее и ярче, ибо переживания его персонажей японцев. Недаром сам автор просидел в тюрьме 4 года.

К. Симамы изобилует в своем творчестве от элементов сентиментализма и пессимизма («Заря», «После разрыва», «Требования», «Людям сельской местности», «Возмущения», над которым он сейчас работает), сохраняя глубокую реалистичность и остроту. Не случайно в прошлом году «Общество литературных бесед», куда входят виднейшие буржуазные писатели Японии, вынесло решение о выдаче второй премии Кенсакэ Симаме за его сборник «Тюрьма», хотя это решение и было отклонено бывшим начальником департамента полиции, организатором этого общества, господином Мацумото, заявившим: «Безусловно же нам премировать писателя, борющегося против настоящего государственного строя». Не случайно сейчас вышло уже двадцатое издание этой книги.

Положение революционной литературы сейчас в Японии ясное. Но тут же борьба может выйти вперед. Мы страдаем, но у нас есть перспективы, мы видим просвет вперед — говорит Симамы, молодой заместитель революционной литературы Японии. Его произведение несомненно заслуживает внимания советского читателя.

Издательство «Молодая гвардия» выпускает «Красное и черное» Стендала с иллюстрациями Л. Зузмана

О ТРУСЛИВОМ СЕКРЕТАРЕ И БЕЗОТВЕТСТВЕННОМ ЖУРНАЛИСТЕ

Болтливость, безответственность и отсутствие проверки — все эти качества присущи людям поверхностным, несерьезным и легкомысленным. Если такой человек работает в газете, да к тому же в центральной, то он может принести немало вреда.

Беляевский, корреспондент газеты «Известия», не первый год работает журналистом и, казалось бы, должен знать, что прежде, чем написать, надо досконально проверить все факты. Это тем более необходимо, когда речь идет о политической квалификации человека.

29 августа этот самый Беляевский начал в «Известиях» корреспонденцию о врагах и бывших либералах в некоторых писательских организациях. В этой заметке он сообщил, что «критическим отделом журнала «Октябрь» до последней минуты задерживала трюмистка Войтинская. Откуда взял Беляевский, что Войтинская — трюмистка? Какие были у него основания зачислять человека в разряд агентов фашизма?

Войтинская, не разобравшись толком, не выгнув в суть дела, немедленно исключила Войтинскую из партии. Секретарь парткома тов. Эльман полагает, что именно в подобных действиях заключается большевистская дисциплина. Он даже не заинтересовался выяснить характер этих вопрей и чем они были вызваны. Так можно поступать только тогда, когда прежде всего стараться «перестраховать себя».

Ни первичной организации дело Войтинской перешло к секретарю Фрунзенского райкома партии тов. Фелдосеву, и 29 августа, в день написания клеветнической корреспонденции Беляевского, судья Войтинской должна была решаться на бюро райкома. Валорность обвинения была ясна уже на заседании, на котором выступил, в частности, тов. Панферов. Но секретарь райкома тем не менее отложил обсуждение этого вопроса и до сих пор Войтинская ходит с клеветным трюмисткой. Фелдосев уподобился в этом случае тем людям, которые при всех обстоятельствах вспоминают небезизвестное правило: «Как бы чего не вышло...»

Мы думаем, что Фрунзенский райком не откладывав в долгий ящик, внимательно и обстоятельно разберется в деле Войтинской, решит вопрос о ее партийности и разяснит тов. Эльману суть большевистской дисциплины. Остается, однако, нерешенным вопрос о журналисте Беляевском, так бесцеремонно и безответственно использовавшем страницы советской печати.

И. ВОСХОДОВ
(«Правда», 3 сентября)

Воля и дисциплина

Остротность и последовательность чувствования в каждой строчке романа «Невидимый адмирал». Перед нами писатель, который выискивал, выстрадал свою тему. Серьезно и просто рассказал Абрамович-Блак о том, как создавался в 1917 г. единый революционный фронт против контрреволюции, против германской интервенции. Все образы романа (в их взаимоотношениях, в их раскрытии) объединены идеей несокрушимости большевистской воли, силы большевистской революционной дисциплины и революционной тактики.

Абрамович-Блак прекрасно показал разложение старого флота и офицеров. «Великолепные традиции императорского русского флота» — это тягестя кастовых предрассудков, зазнавшая титулованных мичманов, мордобой, пьянство («спить, как лошади, и все-таки оставаться на своих ногах»). Во время революции высокопоставленные воспитанники морских корпусов становятся прямыми бандитами, готовыми на любой разбой, лишь бы захватить большевые деньги и бежать за границу. Они бесцеремонно продают свои родины немцам, они с леной у рта кричат о месте революционному народу своей страны, они полны огорчения нехваткой демократии. «Вот лейтенант Амелунг взял тридцать тысяч финских марками и сейчас, вероятно, уже в Кюгеленге проворачивает. Мичман Пастер на дивизионе траульщиков плавал, ухитрился пятьдесят тысяч казенных денег вытратить...»

Таковы эти «герои» русского «доблестного» офицества.

Экспозиция романа (изображение средневековой старины Ревеля, предание о святом Олафе, безобразнике, оборе и жалком услужливке и пр.) — ядро ассоциаций у публики, усиливает картину полной деморализации кастовой верхушки морского офицества.

Абрамович-Блак показал и ту часть офицества, которая не перешла еще к врагам, которая пока лежит в нейтралитете, выжидает, только старается всеми силами не вступать в эти (революционные... Б. Б.) события в корабельную жизнь сразу... Старший лейтенант ОРеман является на «тажелом, непонятном» время». Командир Русенский советует: «Готовьте в сторону, товарищи. Пусть этот самый «подъем» совершится, а там — видно будет...»

С особым вниманием и любовью показывал Абрамович-Блак процесс внутренней перестройки, офицерской разношертности. В начале романа офицер Валдицкий верит в «неизменность права сильного и умного одиночки». На его фуражке офицера кокарда затянута черным поймаем — траур по императорскому флоту «убояет офицеры линейного флота» (Беляевский). И все же мичман Валдицкий не согласен с неумением воевать в бою, он чувствует, что ему нужно какое-то свое решение. Постепенно Валдицкий начинает понимать растапоку классовых сил. Начинает понимать, что история движется вперед разумно, оправдывающей волей большевиков. «Сильные люди, это несомненно! Сильные духом! — спешит добавить мичман. — И, повидимому, руководство у них очень умелое». В итоге Валдицкий целиком безоговорочно встает на сторону Центроблата, на сторону большевистского руководства.

В нашей литературе писатели часто не умеют показать закономерности процесса развития личности. Им не удается рассказать об этом процессе в знакомом искусстве, они выискивают в сюжете художественного образа противоречия, колебания, весь сложный барометр человеческой психики. В ре-

альтате герой распадается на две половинки: невыдержанный и спокойный. И подчас трудно уловить единый стержень, единство внутренней жизни того или иного героя. Образ Валдицкого целен, раскрыт закономерно от начала до конца. Это потому, что автор отправляет не на скамью (невыдержан, колеблется, переживает), а на самую действительность, на богатство опыта, на правду истории.

Эта же органичность наблюдается и в развитии сюжета и в композиции романа.

Законмерно, необходимо, оправданно приняты лучшими, наиболее честными офицерами большевистского руководства, подлинное слабое большевистской воли и дисциплины. Другого выхода для них нет: либо измена, предательство, либо защита вместе с народом революционной родины. Офицеры, не желающие предавать свой народ, выбирают второе. Матросы-большевики готовились к бою. Старая английская поговорка о том, что «матросы никогда не отказываются следовать за офицером, если он показывает дорогу», повораивалась обратной стороной.

Сегодня офицеры должны были показать, что они достойны следовать за большевиками-матросами.

Правильность большевистской тактики machinery Бреда, рулевого Чулакова, комендора Ильи Алешина, всего революционного корабельного актива заставляет офицеров корабля «Победа» «инстинктивно подползти». Чулаков «подказывает» командиру корабля, офицеру Русенскому, как должен тот действовать. Офицеры чувствуют, понимают, что «кто-то несомненно командовал. Отдавал приказанья умело и, вероятно, требовательно...»

И когда начался бой, крепкое мужское руководство чувствовалось в каждом выстреле корабельного вооружения большевистского флота. Не только офицеры в свое время мечтали о сильном и разумном адмирале. «Невидимый адмирал», присутствие которого до сих пор только предполагалось, оделался теперь всем известным.

Изначальная картина романа, героический мозаичный бой — торжество большевистской воли. Нет преград, нет той силы, которую не победит революционный народ, если он движет энтузиазом, вера в правоту решений своей партии.

Роман заканчивается следующими словами: «Линкор не спускал ошейных тюрбаном славного мозаичного боя красных флагов. И под водой линкор «Победа» будет прерывать путь немецким кораблям. Большевики закрепили германскому флоту дорогу на восток». Роман Абрамович-Блака не может не пленять массового читателя полнотой революционного пафоса. В «Невидимом адмирале» нет ни громких фраз, ни «больших» букв, ни феерических восторгов. Но здесь много восторга, чувства и мысли писателя, который пишет для народа своей родины. Писатель все время чувствует свою аудиторию. Он хочет быть понятным и любимым. А «чувство локтя» с многомиллионным читателем — первое условие высококачественной литературы.

В своем интересном предисловии к роману «Невидимый адмирал» В. Вишневский рассказал литературную историю так называемого «морского романа». Нам представляется, что новое качество советского «морского романа» прежде всего в его высокой идейности, в массовости, в полноте революционного пафоса

Б. БРАЙННА

Наши дела

В.С. ВИШНЕВСКИЙ

Августовский процесс террористического центра, как это видно по повествованию разговоров, встречам пролаем на всех писателей исключительное впечатление. Люди передвигались огромные комплексы вопросов политический, философский, этический. Рассматриваются и провозглашаются многие принципы дела, писания, суждения, встречи, связи и знакомства. На людей, которые иногда слишком отвлечены в мирный уютный быт, захлуду суровой беспощадностью большой истории. Процесс показал, что враги ведь неустанную работу, пытаюсь внедриться в ряды литературы, черпая здесь информацию, деньги, устраивая свои гнезда.

Процесс заставляет каждого работника литературы вновь востановиться в памяти, с возможно большей откровенностью, ряд действий контрольного на литературно-политическом фронте. События произошли ведь не внезапно. Ни один писатель не может подойти к событиям так, как подходит обыватель. Творится история. С первых дней революционного движения в России в литературу шла жестокая борьба. Буржуазная фанг травля и пытался уничтожить Горького. Ряд так называемых профессиональных и либеральных писателей и публицистов систематически годами вел отчаянную борьбу против революции. Политика пропаганды всевозможнейшие литературные группы, течения, содружества. Литературовед Т. Асеев на активе журнала «Знамя» сделал сообщение о том, что мы открыл ряд ненавистных работ Андрея Бедого, подлинных различных повествованиями. Эти работы носят характер чистейшей контрреволюционной пропаганды. У Бедого, оказывается, были даже антисемитские статьи. Было ли обо всем этом сказано самим Бедым в его книгах, выходящих последние годы — «На рубеже двух столетий» и др.? Нет. Знали ли некоторые писатели об этом? Нет.

Эти и другие факты должны быть нами рассмотрены, изучены и определены с научно-аналитической точностью. Мы всемо добавило острую борьбу. Мы всемо знаем, какое же содержание. Нам нужно знать подлинную историю нашей литературы и подлинную историю каждого ее работника. В писательской среде слишком долго процветала псевдо-гуманистическая этика. Довольно же до логических раскрытий, ставя точки над всеми ями, каждый скажет, что этот «стужа-

лым» есть удвоенный ряд врагов, как в наши ряды. Люди рассеяны и небрежно относятся ко многим литературным явлениям. В наших рядах иногда появлялись люди со смутнейшими биографиями. Они выпрашивали, выглаживали и вымогали рекомендательные письма и отзывы. И бывало так, что несколько добротных людей открывали таким путем путь в места, которые мы должны строго оберегать от посторонних.

Держалось и держится правдою и безделье открытым серьезным высказываниям друг о друге. Это дело отводилось профессиональной критике. Вместе с тем писатели открыто говорили, что критика плоха, негодна. Получилось мучное противоречие. От критики не ждали полной оценки литературных явлений. Вместе с тем молчали сами. Кто же в конце концов будет брать за дело? Браться надо сообща.

Разве не безобразны такие факты, как «самогор молчания» против ряда последних произведений писателей? Каждый из нас достаточно понимает «что к чему», чтобы принять всерьез формальные отписки некоторых критиков по поводу последних работ В. Званова, Л. Леонова, К. Федина и др. Винамат удивление тот факт, что новый роман Эрнстура «Книга для взрослых» не вызвал ни одного критического отзыва. И это при наличии 140 критиков в критической секции СОИП При наличии второй сотни критиков, группирующихся в других литературных организациях (Институтах, издательствах и пр.).

Писатели пишут. Пишут как умеют, как могут и как хотят. Работа писателя сейчас трудна, как никогда раньше, ибо невероятное обилие нового материала порождает и затрудняет его переделку. У нас распространены случаи разговоров о том, что «литература отстает». Эта формула может быть признана годной. Надо помнить, с фактами в руках показывать, что искусство остается в чисте, а кто и почему идет вперед. Советскую литературу надо любить великой и бережной любовью. И тех, кто сейчас в кампанийском порядке пытается бешать виртуозы за событиями и покрывающая: «и я, и я» и праяв от дел нескольких контрреволюционеров размывать на всю литературу, тех мы сразу оставим крепкой рукой.

Факты, имеющие место в связи с процессом, выявляют все писательскую массу. Огромные, полнейшие политические уроки вылезли из событий всех советских писателей. Общая проверка наших рядов, душевное заседание партийной группы, выступление писателей на президиуме, собрание активом журналов «Знамя», «Октябрь», «Новый мир» и др. показали, что писатели расценивают события политически правильно, что настроены и подвизающего большинства здоровое, боевое, творческое-наступательное.

На названных только что активом, однако обнаружилось нечто, вызывающее сожаление. Для ряда литераторов, как это ни грустно, оказались неизвестными факты из истории партии, из истории революционного движения и даже некоторые историко-литературные факты. Не все знают подлинную политическую генезисную трюмистку Троцкого, Зиновьева, Каменева. Наша печать, наши журналы, а в первую очередь наш писательский актив должны поработать на этом участке и дать произведения, которые по-настоящему отразили бы борьбу партии с оппозицией. Какая это глубокая и серьезная задача — показать, как на протяжении десятилетий вынашивалась сепия жерон и предательство возмущенных людей, проявившихся в революционные годы! Какая это задача — дать широкое художественное полотно по истории партии и документально-выступать напомнить о том, как большевики отбивали предательство Троцкого в период первой революции, в период реакции; о том, как Зиновьев и Каменев уже в 1910 году бжжировались с Троцким.

Фактов много. Их надо знать. Надо знать, что в 1914 году Каменев на следствии по делу думской большевистской интриги вел себя предательски; что в мартовские дни 1917 года он послал приветственную телеграмму Михаилу Романову, которого прочли парем Михаилом II. Надо знать, что Каменев призывал к верности Временному правительству и требовал войны до победы; что Зиновьев и Каменев саботировали тяжелейшую борьбу партии летом и осенью 1917 года.

Надо знать, что они были ослеплены и выданы в Ленинга органам верховно-

корниловской юстиции; что они в кач-венти ЦК партии о готовившемся восстании, что в первом же дни после Октябрьского переворота с Вильгельмом (немецкой) союзом неонационалистской — контрреволюционной организацией). С Вильгельмом они договаривались о том, чтобы убраться тов. Ленина и создать новое правительство с Адиксентельем во главе.

Надо знать, что в критические дни 1918 г. Троцкий требовал уничтожения и верпы Балтийского флота. Надо помнить, что его штурмовая выходка в Бресте — «ни войны, ни мира», — отказ выполнять директивы тов. Ленина и ЦК партии вызвали в феврале 1918 года наступление армий Германии и Австро-Венгрии на Прибалтику, Белоруссию и Украину.

Надо знать и помнить, что аппарат Троцкого приводил в движение и вострограмм; что тов. Ленин и ЦК партии отстранили Троцкого от операции на парижском фронте, затем на восточном, затем на северозападном и южном, наконец, на юго-западном и западном. В самые критические минуты революции, на самые опаснейшие участки фронта смыслом партии тов. Сталин. Он подготовил и организовал победы 10-й армии, 3-й армии, 7-й армии, затем всего южного фронта. Все эти данные надо не только знать, но и довести до массовыми средствами художественной литературы.

Память восстанавливает всю цепь фактов... Исторические метания Троцкого по фронтам, престолуяты его «испад», удививший в августе 1918 г. от чаета Савинкова а летом 1919 г. от Махно и Григорьева, сумасбродные действия, катастрофы, которые он выискивал. Последовательно отстранения от боевых операций, от отведания партии и стране новым предательским ударом в конце 1920 г. организационной оппозиции. Это развзвало руки махновщины, автономная Партия тогда обила и эти нападения.

Предательская эволюция, сватывание заманчивой к террору видно на всем тридцатилетнем отрезке времени. В 1923, 1924 г. их капитулянтские, клеветнические выкрики. Пелетод в негласности, наконец, открытая контрреволюционная уличная демонстрация 7 ноября 1927 г. а.а.а. Затем — фальшивое раскаяние «шювателем» на бричке в партию, смыкание с заграничной контрреволюцией. Гетепало и террор... Я задаю вопрос всей писательской общности: разве все это дол, чтобы его изучать досконально? Разве не нужно нам собраться на раз бесед, семинаров? Почему этим могут заниматься старые командиры, летчики,

стахановцы, которых мы не устаем приветствовать? Но почему же в самом союзе писателей нет этой политической работы, разбора конкретных книг, дел, событий, тем? Или нас не касаются проблемы истории партии, или нас не касаются проблемы ИВГ? Обо всем этом стоит поговорить — и поскорее.

Мы достаточно встречались все последние дни для того, чтобы дискутировать многие прощери и лжестатусы в работе СОИП. Мы достаточно говорим. Нам надо немедленно всю трюмисткую массу писателей СССР движнуть вперед на разрешение больших положительных задач. Надо ухватить — кто о чем пишет, кому, как и чем помочь, а кого, за полной несостоятельностью, попросить покинуть наши ряды. Но главное — большая, кажеловневая, напряженная политическая работа. В основных пунктах страны надо провести большие литературные встречи писателей с рабочими, красноармейцами, командирами. Надо на этих массовых собраниях обсудить наши последние произведения. Надо послушать читателей, посоветоваться с ними, дать ему ответ в наших делах. Ответа ждуть.

Нужно изучить всю деятельность нашей критики и наших журналистов и покончить раз навсегда с никакими явными нейтральными молчалием. Один журнал должен обсуждать качество другого. Все же было несколько лет подряд, что-то расписывать о самаритянстве, о высоких традициях Беляевского и Чернышевского, если журналы «обходили» друг друга.

Высели, которые мы извлекаем из событий, должны быть выделены действительными. У некоторых писателей есть тенденция «погодить», пожелать. Эта тенденция никуда не годится. Как никогда, сейчас, стране нужны острейшие политические книги, спектакли, поэмы, памфлеты, фильмы, повести, эссе, трагедии. Пусть каждый из этих видов нашего творчества бьет врага по всем правилам нашей военной доктрины. Мы разбили многих врагов. Мы разбили террористов — их надо было преследовать до конца, до уничтожения. Художественная литература должна отразить, сконцентрировать на календарную нехватку масс к фашизму, к его агентуре, тогда она станет действенным оружием борьбы. Народные массы будут подхватывать на тот или иной момент раскаяние «шювателем» от страниц их книги — дущие образные определения, характеристики, выражения, связанные с событиями дня. Литература наша не может ни на день замедлить своего движения. Творческий ответ перед лицом масс, которые ждуть и требуют от нас нашего дела, будет подлинной характеристикой отношения каждого писателя к событиям.

500 страниц пошлости

В предисловии к роману «Директор Карагас» латышской писательницы Луция Замайч, П. Кихтус сообщает, что Луция Замайч в 1926—27 г., покинув Латвию, путешествовала по Франции, Италии, Северной Африке... Во время этого путешествия она как бы возвысилась над латвийской самозолочной (?) действительностью и критически посмотрела на нее со стороны точки зрения. Небольшое предисловие Кихтуса порождает впечатление языка и вычужденности формулировок — Кихтусу во что бы то ни стало хочет сказать Замайч «леной» писательницей и этим оправдать «свои-какие черты бульварного романа», в которых сам Кихтус не может отказать «Директору Карагасу».

«Не хотелось ни нравственности, ни умных речей, ни возвышенных идей. Сердце жаждало красоты и счастья». Это изречение из книжки Луция Замайч может служить эпиграфом к этому безусловно бульварному роману.

Замайч рисует чиновничий мир молодой Латвии, душную мешанину деловых латышской буржуа и захлуду атмосфере маленькой провинциальной Латвии, претендующей на роль нового Парижа, но беда в том, что книга заражена той самой пошлостью, против которой «борется» Л. Замайч. На листьях страниц этого романа столько места уделено описанию женского белья, туфель, шляпок, бальных туалетов и интимных переживаниях и «умных речей» почти не остается места. «Карагас... не мог понять, почему женщины на общество не умеют похвалить свою красоту в соответствующем обрамлении и подчеркнуть то, что в них наиболее своеобразно...» «Каждая женщина показывала ему ованной неясным очарованием. Простенькое и практичное белье делало ее красивой».

Вульгарное привело его в восторг, несомненно, то, что он знал больше тонкого и изящного... — Ну, ступай, — сказала она. — Уложу тебя. Спишу о тебе туфельки, распушу волоски... — Нет, ступай. — Не слушай и не могу уйти? — Ты должна!

Грудь ее попрыгивала вадмалась под легким темпофоновым платком... «Это было нелепо и неестественно, что его жена, молодая и красивая, у которой было все, что она могла пожелать, страдала, как простая прачка или кухарка. Между тем она была создана для роскоши и любви».

И так далее, и так далее, до бесконечности. Каковы же идейные мотивы романа? Чиновник Карагас, став директором департамента, достигает почетного положения в обществе. Для внешнего блеска ему нехватает только красивой жены. На ее поиски он тратит много энергии и времени, претерпевает бесчисленные разочарования и, наконец, женится на проститутке Инете. Дожили верхнюю материальную благополучия, Инета обманывает, что составляет нет и в буржуазном благополучии и довольстве. На удивленной ферме, где Инета отпыхает от «тягот» светской жизни, она встречает таинственного революционера. Его речей приводит Инету к мысли о необходимости порвать с мужем и начать «новую жизнь». Но в последний момент оказывается, что Карагас арестовал как спекулянта и мошенника, и Инета решает остаться, чтобы поддержать этого «доблестного» человека.

Итак, в своем «бунте» против буржуазного общества Луция Замайч не смогла найти другого идеала, кроме излюбленной героини бульварного романа — проститутки. Ее она признавала брестей «смейный вывоз» буржуазному обществу и отказывая от «шпелюшек» туалета и «замшевых туфель». Рали чего? Невестно. И потому искусственно звучит в этой книге нежизненные тирады о «пущоте» советской жизни.

Луция Замайч. «Директор Карагас». Перевод с латышского О. Я. Сильман. Отв. редактор Н. Рынова. Л., Гослитиздат, 1936 г., 525 стр., ц. 6 р., тир. 10.300.

О поэтической лжи и куриной слепоте

Как видно из очерков и методических прилаганий профессора Е. Полонской («Литературный Ленинград» от 29 августа 1936 г., № 40), она работает сразу над несколькими произведениями.

— Только что я дала Гослитиздату книгу новых стихов. В этом разделе есть одно большое стихотворение «Саловник», появившееся великому Сталину. Последний раздел книги — переводы на Киплинг.

— Сейчас я заканчиваю работу для антологий английских поэтов. Я перевела большую поэму Браунинга «Фрицолов».

— Одновременно я работаю над главой книги «Счастье быть молодым» — о молодых людях в искусстве...

— Ближайшая моя работа, которую я уже начала, — работа над главой «Женские портреты».

— У меня задумана также книга рассказов о любви. Вообще мне очень хочется в свободное время над жанром литературных портретов — товарища И. Полонская дала мне товарищу соавторству «Литературный Ленинград».

— У нас очень мало сюжетной поэзии, показывающей в движении, в творчестве, в работе людей нашей эпохи.

— Ну что же, — скажет немного окупившая такой интенсивной деятельностью читатель, — наверное многоопытная и многообразная Елизавета Полонская, любящая поэзию, покажет нам с ее произведениями...

— Редакция «Литературного Ленинграда» ищет читателя на эту статью. В этом же номере, на первой полосе, она напечатала отрывок из поэмы Е. Полонской «Саловник».

Е. Полонская, которая публично мечтает о создании поэзии нового жанра литературных портретов людей нашей эпохи и не только рядов строителей социализма, но и рядов вождей, так начинает биографию товарища Сталина:

Был он полон грузин,
В Кутаисе нагорном родился
Из семьи бедняков...

Но повольте, есть же пределы и поэтическому вымыслу! Товарищ Сталин, как известно, родился не в Кутаисе, а в городе Гори. Е. Полонская, выписав за ответственной теме, не потрудилась познаться с биографией т. Сталина. В Гори же так давно приезжал Андрей Жид специально для того, чтобы увидеть город, где родился великий вождь народов. В Гори часто приезжают экскурсионные рабочие, колхозники, учащиеся, чтобы осмотреть этот дом и эти места. Всему миру известно, что товарищ Сталин родился в городе Гори.

Редакция же «Литературного Ленинграда» этот исторический факт не замечает, и она, ничтоже сумяшею, пропустила стихийно Полонской в печать. Это свидетельствует о политическом невежестве и автора, и редакция, об их безобразно-расхлябанном отношении к теме произведения Е. Полонской.

СОВЕТСКИЕ ИЗДАНИЯ ДЛЯ МОНГОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Издательство иностранных рабочих в Москве включило в свой план издание художественной классической и современной литературы для Монгольской Народной Республики.

В этом году на монгольском языке вышло том новелл «Декамерон» с редакционной статьей о творчестве Боккаччо. Книга издана на прекрасной бумаге.

На монгольском языке вышла также книга Э. Томпсона «Герои-животные», с иллюстрациями автора.

Издательство подготовило и печати для МНР «Путешествие Гулливера» Свифта и «Пятнадцатилетний капитан» Жюль-Верна.

Из произведений советских писателей в этом году на монгольском языке будут изданы: «Как закалялась сталь» Н. Островского, роман С. Злобина «Салват Юлаев» и повесть бурят-монгольского писателя-орденоносца Хоша Намсараева «Ширемшал».

Большой интерес представляет выпуск в этом году издательства повесть монгольского писателя Илама Суруи «Три девушки». Автор описывает жизнь трех монгольских девушек, активно участвующих в общественной жизни своей родины. Книга иллюстрирована монгольским художником Иламом Суруем и бурят-монгольским художником Сампиловым.

Бальзак и народность

ОБОНЧАНИЕ. НАЧАЛО СМ. НА 5 СТ.

лю к суверену, а нынешним сувереном является народ» («История тринадцатого»). Но сколько бы Бальзак ни доказывал народу, что в его собственных интересах — отказаться от самостоятельных действий и подчиниться руководству мудрых арестантов, его фландрские священники, и франты оттаивали трудящихся, — и дворянскую буржуазию. И как бы ни старался Бальзак убедить буржуазию, что только следуя его программе, она спасется от грозной эры социальной революции, его программа шла вразрез с интересами буржуазного развития.

В результате мировоззрение Бальзака расколосилось парадоксальное, на первый взгляд, противоречие. Своей критически полемической стороной и поисками выхода из тупика капиталистических конфликтов творчество Бальзака неизменно возмущается над кругозором господствующих классов, частично совпадая с умонастроениями и интересами немущих масс. Но так как Бальзак не может найти реального выхода из противоречий, и его проект не выходит за границы собственного общества, то его мировоззрение в решающих пунктах совпадает с интересами господствующих классов. Это противоречие находится свое выражение в противоречии между консервативно-идеалистическим характером его мировоззрения и тревожно реалистическим характером его художественного метода.

Это коренное противоречие творчества Бальзака отражает прежде всего объективные противоречия того исторического периода, которому соответствует его творчество, когда уже обнаружилось антиисторический характер капиталистического общества, но не возникло еще силы, способные его уничтожить. В этот период, по словам Энгельса, «протестанты, еще не вышедшие из общей массы немощных людей, составляя в то время лишь зародыш будущего класса и не были способны к самостоятельному действию...» («Развитие социализма от утопии к науке», 1928 г., 42).

Но только Бальзак, но и все лучшие умы его эпохи Гегель, Гете, Сен-Симон, Фурье, которых, несмотря на глубокое различия в положительных выводах, объединяет критическое отношение к капиталистической цивилизации, рассматривая немощные классы, как нечто страдательную массу, способную ни к какой исторической самостоятельности. Даже Сен-Симон относится к человечеству как к объекту, способному выступить пролетариата, ссылаясь на опыт террора 1793 года.

Не имея возможности найти действительный выход, эти мыслители вынуждены обращаться к утопическим рецептам, а утопия неизбежно приводит этих мыслителей к консервативным выводам, признающим их к тому самому обществу, которое они хотят изменить.

Таким образом, как видим, в противоречии творчества Бальзака нет ничего исключительного. Это противоречие, свойственное всем представителям передовой мысли того времени.

Но все-таки причина поворота объективные противоречия того исторического периода, которому соответствует его творчество, когда уже обнаружилось антиисторический характер капиталистического общества, но не возникло еще силы, способные его уничтожить. В этот период, по словам Энгельса, «протестанты, еще не вышедшие из общей массы немощных людей, составляя в то время лишь зародыш будущего класса и не были способны к самостоятельному действию...» («Развитие социализма от утопии к науке», 1928 г., 42).

Но все-таки причина поворота объективные противоречия того исторического периода, которому соответствует его творчество, когда уже обнаружилось антиисторический характер капиталистического общества, но не возникло еще силы, способные его уничтожить. В этот период, по словам Энгельса, «протестанты, еще не вышедшие из общей массы немощных людей, составляя в то время лишь зародыш будущего класса и не были способны к самостоятельному действию...» («Развитие социализма от утопии к науке», 1928 г., 42).

Но все-таки причина поворота объективные противоречия того исторического периода, которому соответствует его творчество, когда уже обнаружилось антиисторический характер капиталистического общества, но не возникло еще силы, способные его уничтожить. В этот период, по словам Энгельса, «протестанты, еще не вышедшие из общей массы немощных людей, составляя в то время лишь зародыш будущего класса и не были способны к самостоятельному действию...» («Развитие социализма от утопии к науке», 1928 г., 42).

Уполномоч. Главлита № Б-23772

Рабочая молодежь Испании героически борется на всех фронтах против фашистских матаежников. На фото: группа девушек-работниц бойцов народной милиции, участвовавших в бою под Усской (на северном фронте). Снимок представителя Союза фото в Барселоне.

В ЮРТАХ У КАЗАХСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

В двадцати километрах от города Алма-Аты, на горе, расположился уютный загородный городок, где отдыхают писатели. Вблизи от него раскинулись казахские юрты. В них каждое лето отдыхают казахские писатели Ильяс Джансугуров и Абдылла Тажибаев.

Мы, в юрте Джансугурова и беседуем с ним на литературные темы.

— Я закончил, — говорит Джансугуров, — большой роман «Товарищ», который будет издан в Казахстане. В романе — 25 печатных листов. Тема его — борьба за советскую власть в Казахстане, участие в ней казахов-пролетариев, белых и буржуазов. Время действия — 1910—1917 гг.

Отрывок из романа «Товарищ» опубликован в одной из последних книжек «Нового мира». Как передает К. Маловатов, голышине Великой социалистической революции для томов «Две пятiletки» Джансугуров пишет новый рассказ, тема которого — родина. В рассказе описывается важничная жизнь одного из казахских колхозов.

Одновременно писатель работает над переводами из Пушкина, которые он готовит к столетней годовщине со дня гибели великого поэта.

От Ильаса Джансугурова мы попадаем в юрту поэта Абдыллы Тажибаева.

Хозяин юрты также занят переводами гиганта русской поэзии — Пушкина.

— Это для меня большой творческий экзамен, — говорит он нам, — только что я окончил перевод «Гуслина и Людмила» переводится у нас впервые.

Но в поэме есть и общее с поэтическими сказками, с казахским фольклором и особенно с произведениями Фирюшев («Рустем и Зораб» в переводе Жукенович и др.). Эти места оказались наиболее легкими для перевода.

В ближайшее время, по словам поэта, он намерен приступить к переводу на казахский язык поэмы украинского поэта В. Сосюра «Лервона зима». Это будет первый перевод на казахский язык произведения украинского писателя.

К великой годовщине социалистической революции Тажибаев задумал написать поэму на казахские темы.

П. МАГ.

диль на казахском языке подлинного Пушкина, тем более, что «Гуслина и Людмила» переводится у нас впервые.

Но в поэме есть и общее с поэтическими сказками, с казахским фольклором и особенно с произведениями Фирюшев («Рустем и Зораб» в переводе Жукенович и др.). Эти места оказались наиболее легкими для перевода.

В ближайшее время, по словам поэта, он намерен приступить к переводу на казахский язык поэмы украинского поэта В. Сосюра «Лервона зима». Это будет первый перевод на казахский язык произведения украинского писателя.

К великой годовщине социалистической революции Тажибаев задумал написать поэму на казахские темы.

П. МАГ.

Алма-Ата.

база подготовила сотни специальных альбомов, рассчитанных на читателя самой различной подготовки. Просматривая эти альбомы, читатели должны указать, кому принадлежит тот или иной монумент, или назвать произведения, или перечислить героев произведения и т. д. Альбомы эти пользуются большой популярностью среди посетителей парка.

Но и «игра» не удовлетворяет полного внимания со стороны ее же инициаторов. Посетители парка, правильно отнесшиеся на все вопросы, получают талон на участие в книжной лотерее. Многие из читателей заранее мечтают выиграть хорошую книжку. Но полбор кинг на лотерее крайне скуден. Размываться преимущественно дешевые, плохо названные бронированные ценной в 20—30 копеек. Понятно, что для квалифицированного читателя, который является наиболее серьезным участником «литературных игр», это не премия.

Можно привести и другие факты, показывающие, что пропаганда и популяризация художественной литературы является одним из отстающих участков общей работы парка.

С. М.

Подобляющиеся большинство этих ценнейших исторических документов и материалов еще не опубликовано.

Совещание обсудило и приняло в разработку в первую очередь следующие темы: «Массовые крестьянские восстания в Западной Сибири против эсеров и меньшевиков в 1915 году», «1915 год», «Террор интервентов», «Быт и литературное творчество партизан».

Г. ВЯТКИН.

зрения, делает его слепым к этому великому историческому сдвигу. Бальзак проходит мимо всех этих новых фактов. В его представлении рабочий класс и в 40-х годах остается все той же невежественной, пассивной, неспособной к руководству общественной массой.

В своих последних романах Бальзак высказывает те же взгляды на пролетариат, какие он провозгласил в своих первых романах («Свирь», «Деловенский священник» 1832 г. и «Кресты» — 1844 год).

Но все же ни либеральная, ни дворянская партия никогда не могли признать Бальзака вполне «своим». Для дворянской критики идеи Бальзака были слишком «либеральными», чтобы она могла вполне сочувствовать им. Для либеральной критики, вроде Тана, Брандеса, Шаома, Фате — Бальзак был, наоборот, недостаточно «либерален». Они постоянно упрекали его в пессимизме, в недостатке «грезности», в неверии в «прогресс» — особенно в этом последнем смертном грехе.

Метод Бальзака резко противоречит его выводам, его системе. Творчество этого консервативного художника по своим внутренним тенденциям было сильнейшим разрушителем собственного обществу.

Истинным продолжателем стремлений Бальзака, как стремлений всех великих гениев его поколения, могла быть только революционная партия.

Недаром первыми оценили его величие по достоинству именно основоположники пролетарского мировоззрения, в то время как для современников Бальзака это было «мрачно буржуазной критикой» он был только одним из своеобразных гениев.

★ «Первая Ленская» — Б. Лаврова. Участник и один из руководителей арктических походов рассказывает о первом караване советских судов, прошедших через Северный Ледовитый океан к устью реки Лены. Книга снабжена фотоллюстрациями.

БОЛДИНО ГОТОВИТСЯ К ЮБИЛЕЮ ПУШКИНА

В феврале с. г. редакцией «Крестинской газеты» была созвана конференция пушкинских сел. Колхозники сел, связанных с именем великого русского поэта, на этой конференции были обсуждены широкие задачи по подготовке к столетию со дня смерти Пушкина.

Усиленно готовится к юбилею колхозники села Болдино (Горьковский край).

Разработанный райкомом партии план подготовки к юбилею, опубликованный в районной газете «Колхозная трибуна», содержит ряд мероприятий для популяризации имени Пушкина и его произведений. Кроме того намечено организовать музей, основанный на материале жизни и деятельности Пушкина, особенно в период его жизни в Болдино.

Пушкинский парк будет реставрирован.

Для докладов и бесед о Пушкине в колхозах и бригадах готовится 10 докладчиков-партийцев и 15 из комсомольского актива.

Районная библиотека должна подготовить во чтении и снабдить их пушкинскими литературными.

Предполагается также приобрести фильмы «Поэт и парь» и «Душринок», для демонстрации их во всех колхозах района.

«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН» В КАЗАХСКОМ АУЛЕ

Куват Тербаев, пятидесятилетний колхозник колхоза Шадай, аула № 27 Аксуского района, Алма-Атской области, еще в 1911 году перешел на казахский язык «Евгения Онегина».

Перевод Кувата, в котором около 600 строк, пользуется большим успехом среди колхозников.

Характерно, что перед исполнением поэмы певец делает краткое вступительное слово о значении Пушкина, подчеркивая, что даже закон шариата разрешал учиться у поэтов народов иной веры.

Редакция красной газеты «Социалды Казахстан» послала своего сотрудника поэта Орманова Галия, для установления «родословной» замечательного перевода. Орманов привез записанный арабским шрифтом перевод поэмы, который будет напечатан в «Социалды Казахстан».

ЮНЫЕ РАССКАЗЧИКИ

Центральный дом художественного воспитания детей им. А. С. Бубнова организовал в этом месяце Московские образцовые кружки юных рассказчиков. Два показательных кружка организованы при Центральном доме художественного воспитания им. А. С. Бубнова. Организуется также семинар руководителей кружков живого слова.

В кружках ребята будут учиться художественно-литературному и творческому пересказу произведений современных писателей и классиков, в особенности произведений А. С. Пушкина и А. М. Горького.

В средних классах сентября состоится общесоветский съезд юных рассказчиков. В нем примут участие около двухсот пионеров и школьничков.

Враг вышвырнут из рядов советских писателей

Советские писатели г. Ростова-на-Дону с полным единодушием приветствовали приговор над бывшим троцкистом г. Зиновьевым, убийцей, шпионом гестапо, подвешенным подвешенному на любимейшего из людей — т. Сталина и его сыновья соратников.

В этот исторический процесс науки нас многому. Мы должны — и будем — работать иначе. Повысим классовую бдительность в своем творчестве и в повседневном быту, — вот омысл выступлений всех ростовских писателей.

Расширенное правление союза писателей установило, что «писатель» С. Жданов, в прошлом колхозовский офицер, в Ростов явился в 1923 году без всяких документов, каким-то образом детализировав, уехал в Москву и пропал в союзе советских писателей.

Последние годы С. Жданов никак участия в творческой и общественной жизни писательской организации не принимал; ничего нового он за ряд лет не опубликовал, на собраниях отлучался. Понятия союза приближить С. Жданова к социалистической действительности, командировать его в колхозы и на предприятия не дали никаких творческих результатов.

С. Жданов является по меньшей мере «механическим гражданским», паразитирующим элементом. Его выступление на писательском собрании вскрыло его подлинное лицо жулика.

Расширенное правление Азоро-Черноморского отделения союза советских писателей единогласно исключило С. Жданова из числа кандидатов в члены союза советских писателей.

П. МАКСИМОВ.

Книжная хроника

★ «Нак закалялась сталь» — роман Н. Островского. Книга выходит массовым изданием изданием с предисловием Г. И. Петровского.

★ «Тропический рейс» — Магса Поляповского. В этой книге автор описывает свое путешествие на советском пароходе «Серго Орджоникидзе» в 1934 г. по маршруту Одесса — Турция — Египет — Цейлон — Индия — Филиппинские острова — Борея — Валинговето. Книга дает краткое представление о каждой из стран, в которые заходила на своем пути «Серго Орджоникидзе». Иллюстрирована она фотоснимками автора.

★ «Первая Ленская» — Б. Лаврова. Участник и один из руководителей арктических походов рассказывает о первом караване советских судов, прошедших через Северный Ледовитый океан к устью реки Лены. Книга снабжена фотоллюстрациями.

ПИСАТЕЛИ УКРАИНЫ

Украинский поэт М. Вайан недавно возвратился из Томска, где занимался с материалами биографии т. С. М. Кирова. П. Вайан собрал интереснейший материал о деятельности Кирова на Украине и написал повесть для сборника «Две пятiletки».

Для этого же сборника закончил повесть И. Киплингера, М. Рыльскера работавший над второй частью поэмы «Мурзина», Иван Ле — над тринадцатой «Украина».

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Напечатанная в «Правде» (28 августа) статья Д. Заславского «Рекорды критика Мирского» правильно указывает на грубые ошибки, допущенные мною в моей статье «Проблема Пушкина» («Литературное наследство» № 16—18) и моем «Ответе критикам» («Пушкинский вестник»). Резкость, вызванная различиями и недостаточным ответственным тоном моего «Ответа», подчеркивает необходимость для меня выправить эти ошибки и сделать выводы относительно будущей моей работы.

Ошибки моей статьи коренятся прежде всего в том, что я не сумел продумать основную проблему классического наследия, проблему неразрывности высших художественных достижений прошлого с содержанием, которое не только исторически прогрессивно для своего времени, но и не теряет своей ценности для социалистического человечества. Но в последней мере раскрывается только при социализме, когда всякие пережитки прошлого иероглифы становятся достоянием народных масс. Начал с утверждения прогрессивности творчества Пушкина, а не сумел по-настоящему раскрыть характер этой прогрессивности и дал вульгарно-социологическое понимание сущности пушкинского творчества, как «буржуазного», с «дворянскими» пережитками.

Чисто абстрактное, вульгарно-социологическое представление о «социальном поэте» привело меня к совершенно ложному, противоречащему фактам, обвинению Пушкина в «слабости» и «сервильстве» перед царем. Неумение понять, что прогрессивное содержание классиков полностью раскрывается только для социалистического человечества, привело к ошибке и в большом чувством ответственности перед многоопытным социалистическим читателем дать правильное понимание великого поэта.

Д. МИРСКИЙ.

Работая в настоящее время над биографией Пушкина и над большой статьей о его творчестве (первая часть уже слана в альманах «Гор XIX»), надеюсь на практике выправить мои ошибки и в большом чувством ответственности перед многоопытным социалистическим читателем дать правильное понимание великого поэта.

Д. МИРСКИЙ.

Ответственный редактор Л. М. СУБОЦКИЙ. ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное объединение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Последний пер. д. 26, тел. 69-61 и 4-34-60. ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Стрешинский бульвар, 11, тел. 4-68-18 и 5-51-69.

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ № 16 ВСЕСОЮЗНОГО МАССОВОГО ЖУРНАЛА „СТАХАНОВЕЦ“

посвященный первой годовщине стахановского движения.

Под редакцией Г. С. Добровинского.

Журнал выходит в объеме 6 печатных листов. «Стахановец» № 16 художественно оформлен и богат иллюстрирован. В номере помещены следующие статьи и материалы:

М. Д. Багров — секретарь ЦК и БК КП(б) Узбекистана: Обеспечим новый взрывной подъем нефтяной промышленности.

М. Хатаевич — секретарь Днепропетровского Обкома КП(б)У: Что мешает нам по-настоящему развернуть стахановское движение.

Ю. В. Рудый — директор Центрального научно-технического совета при нарком: Три этапа борьбы за подъем железнодорожного транспорта.

А. Я. Исачков — зам. начальника и главный инженер Главного управления автотранспортной промышленности: Систему планирования водочиты борьбы за стахановский взрыв.

К. С. Пивневич — Главноуправление станкоинструментальной промышленности: Не повторять допущенных ошибок обеспечить максимальное использование всего оборудования.

И. И. Мельник — директор 1-го ГИЗ им. Д. М. Кагановича: Как мы добились выпуска трех миллионов подшивочников.

М. Л. Витчинкин — директор Саратовского завода комбайнов: Предлагаем внести в практику союз межзаводских конференций по обмену стахановским опытом.

А. Бажалов — управляющий трестом «Кагановичинф»: Что мы принимаем для выполнения стахановского плана нефтяников.

И. Г. Макаров — директор металлургического завода им. Сталина, Дой-Ово: Чем мы разовьем великую Сталину об освоении технических мощностей.

В. В. Малюков — главный инженер шахты им. Румянцева треста «Атомстрой»: Как мы осуществляем безаварийную систему.

А. И. Полтавский — управляющий шахтой «Шеломов» № 1, Македонец: Неудачно-творительная работа шахты — прямой результат плохого руководства.

Р. В. Гольштейн — инженер металлооборочного цеха Криворожского металлургического завода «Богданович»: Как и организуем работу стахановцев и ударников.

Акад. А. М. Терригор — Стахановское движение как могучий источник механизации угольной промышленности.

В журнале помещены следующие материалы: Труды стахановца. Наука и стахановское движение. Техническая учеба. Сигналы стахановца. Из писем в редакцию.

Цена номера — 58 копеек. Требуется журнал в kiosках Советпечати и книжных магазинах. ЖУРНАЛОВЕДИЕНИЕ.

Уполномоч. Главлита № Б-23772